

Э. МИЦКЕВИЧ

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

МИЦКЕВИЧ Элен - профессор политологии в Университете Эмори, директор исследовательской программы, изучающей советские средства массовой информации Картеровского Центра. Последняя книга Э. Мицкевич «Разрозненные сигналы. Телевидение и политика в Советском Союзе», была названа лучшей книгой 1988 года, посвященной телевидению. Как было отмечено одним из рецензентов, «это глубокое исследование, объективное и свободное от иллюзий, и появилось оно в очень важное время, когда обе страны - и Советский Союз, и Соединенные Штаты гораздо больше рассказывают своим людям друг о друге». Публикуемая статья, написанная специально для нашего журнала, продолжает тему этой книги.

В ряду реформ, составляющих перестройку, прежде всего и самым радикальным образом изменилась политика в области средств массовой коммуникации. Фактически с самого прихода Михаила Горбачева к власти исследователи советской политики обнаружили, что в их использовании видится ключ к достижению главных перемен. Гласность, непривычная открытость, широкие дискуссии становятся важнейшими характеристиками средств массовой информации. В отличие от кампаний прошлых лет, эта новая роль прессы революционна во многих отношениях. Сам выбор ее в качестве проводника, если не главного инициатора перемен, свидетельствует об отсутствии или слабости организаций и институтов, выполняющих эти функции в других политических системах. Горбачевская администрация отводит средства массовой информации роль ускорителя институциональных изменений в советской политической системе.

Однако перемены будут недолговечны, если неэффективны поддерживающие их структуры, поэтому средства массовой информации берут курс на разрушение устаревших, унаследованных от прошлого или слабых (таких как Советы) институтов, и развитие принципиально новых. В результате глубокие изменения в системе массовых коммуникаций значительно опередили политические и экономические перемены.

Расширение функций «масс медиа»

Одним из наиболее интересных этапов в процессе реформ, затеянных Горбачевым, было развитие независимых, неформальных структур, дополнявших или даже заменявших окостеневшие институты советской системы. Редакции активно поддерживают или создают сами новые неофициальные объединения. Так, популярная в свое время телевизионная программа «12 этаж» приветствовала появление независимых от комсомола молодежных организаций задолго до того, как их деятельность получила юридическое и политическое признание. Вечера, проводимые журналом «Огонек», становятся прообразом политических дискуссионных клубов. Журнал «Новый мир» поддерживает клуб Михаила Бухарина в Набережных Челнах. Молодежные, дискуссионные, политические клубы, общества экологов, предпринимателей, ветеранов, женщин и тому подобные объединения — лишь некоторые из примеров политической общественной активности, предшествовавшей созданию соответствующих структур. Анатолий Яковлев (журнал «Вопросы философии») связывает с гласностью развитие новых организаций и ассоциаций, отмечая, что они «создадут абсолютно новую ситуацию, особенно если получат юридическую и политическую

поддержку» [1]. Таким образом, начинается переход от принудительных методов в управлении к сложной системе связей и действию, иногда именуемой гражданским обществом. Многие из наиболее сильных политических структур Советского Союза - формальных и неформальных — сейчас воспринимаются как дисфункциональные, препятствующие начавшемуся обновлению системы, как пережитки брежневской «эпохи застоя» или сталинской «командно-административной эры». И в переосмысление этого наследия опять важнейшую роль играют масс медиа. В той же статье Л. Яковлев связывает со средствами массовой информации не только возрождение к жизни новых ценностей и символов, но и национального объединения. Сталинская эпоха оставила после себя общество «раздробленное, расчлененное в результате разрушительных действий тоталитаризма» [Там же]. При Брежневе национальному единству мешали «встречные потоки»: развитие теневой экономики, система поддержки, строящаяся на этнической или полупфеодальной основе. Горбачевская администрация стремится избавиться от этих глубоко укоренившихся, но в новых условиях дисфункциональных образцов поведения и национальных связей. Миссия, которая выпадает на долю средств массовой информации в этой ситуации, заключается, с одной стороны, в разоблачении прежних ценностей, с другой - в утверждении новых, возникающих сначала на индивидуальном, но со временем поднимающихся до общегосударственного уровня. В нынешней политике Советского государства основные импульсы исходят именно от средств массовой информации: это единственная сила, которая может соединить множество разрозненных, даже разобщенных элементов жизни с помощью посылаемой из центра системы сигналов. Яковлев замечает по этому поводу, что «общественное сознание появилось в нашем обществе благодаря печати». [Там же]. Поскольку средства массовой информации занимают такое важное место в процессе перестройки и поскольку в этот процесс оказалось втянутым множество сильно заряженных положительной и отрицательной энергией частиц, вопрос о границах дозволенного, о давлении со стороны становится жизненно важным. Горбачев не раз призывал средства массовой информации поддержать перестройку и, как он выразился, «не дискредитировать ее». «Публикуйте все. Должен быть плюрализм мнений. Но с такой направленностью, чтобы линию перестройки, дело социализма защищать и укреплять» [2]. В отличие от практики прежних лет, средства массовой информации оказались вовлеченными в подлинный пересмотр основополагающих ценностей, атакуя сталинизм, реабилитируя его жертвы, нападая на бюрократию, восстанавливая значение религии и филантропии, поддерживая предпринимательскую деятельность, отвергая классовую трактовку международных отношений, сомневаясь в правильности советских военных действий и условий армейской службы, опрокидывая запреты на освещение преступности, социальных отклонений и многое другое. Как и следовало ожидать, соотношение критических и положительных материалов — и тех, и других жизненно важных для развития перестройки - не получило официального одобрения. На XIX партконференции (июнь 1988 г.) во многих речах звучит недовольство развитием гласности: журналисты якобы зашли слишком далеко, и ряд выступающих нападает на средства массовой информации, обвиняя их в некомпетентности, неточности, перекосах и самонадеянности. Не один раз переносятся или вовсе отменяются объявленные телевизионные программы как по центральному, так и по местному вещанию, в частности, по Ленинградскому, Сахалинскому, некоторым другим; всем хорошо известны трудности, с которыми сталкивается передача «Взгляд». Предполагаемое развитие парламентских форм правления и передача вещания под парламентский надзор, очевидно, помогут избавиться от подобных аномалий, но это еще не значит, что скоро удастся решить такие жизненно важные политические проблемы, как равные возможности кандидатов в проведении избирательной кампании, в обнародовании противоположных точек зрения по национальным проблемам, в существовании общественных и коммерческих служб. По этим и многим другим принципиальным вопросам, связанным с

ролью и функционированием средств массовой информации в Советском Союзе, наверняка будут продолжаться жаркие споры, как оно собственно происходит и в других странах.

Масс медиа: действенность и достоверность

Поскольку масс медиа отводится такая существенная роль в политических и социальных процессах, естественно, что соответственно возрастает и внимание к ее эффективности. Если раньше все представления об эффективности опирались на нерепрезентативные отклики аудитории (внушительные пачки писем) и анекдотические суждения начальства, то сейчас эта проблема становится одной из главных. В последние годы в Советском Союзе развивается систематическое и теоретически обоснованное изучение эффективности масс медиа, отошедшее от распространенной некогда модели коммуникационного процесса по принципу «стимул - ответ» [3]. Среди самых важных выводов исследователей есть и такой: первоисточник какого-либо сообщения всегда обладает наибольшей силой. Поскольку известно, что в современном мире информационные барьеры очень невысоки (зарубежное радио - один из примеров альтернативных источников информации для советского населения), то самая эффективная стратегия — опережение, а не подавление. Это относится не только к самому понятию дозволенного, но и к иностранным конкурентам. С начала 1989 г. Советский Союз прекращает глушение зарубежных радиостанций. Представление противоположных точек зрения по самым разным проблемам становится обычной практикой, включающей в себя дебаты с иностранными официальными представителями и общественными деятелями.

Однако возможности советских комментаторов и корреспондентов проявить независимые и самостоятельные суждения в области международной советской политики, в прошлом крайне незначительные, ограничены до сих пор. В то время как события, происходящие в 1989 г. в Восточной Европе, получают подробное и всестороннее освещение, в отношении разгрома демократического движения в Китае такой уровень откровенности не был продемонстрирован ни разу. Ясно, что здесь сказалась официальная позиция, совершенно разная по отношению к этим международным событиям.

Возросший интерес к действенности средств массовой информации заставил обратить внимание на источники обратной связи, прежде явно недостаточные. Телевидение, например, создает собственную сеть интервьюеров, планирует установку во многих домах специальных устройств наподобие «нельсеновских коробок», проводит телефонные экспресс-опросы, чтобы получить представление о приеме вечерних программ (к сожалению, недостаточная телефонизация делает эти опросы нерепрезентативными). Обсуждается проблема популярности различных программ у зрителей как способ перераспределения средств внутри студий, поскольку телевидение и другие средства массовой информации готовятся к хозрасчету. Перспективы, связанные с усилением коммерческого телевидения и с уменьшением его общественной, социальной значимости, вызывают серьезную озабоченность многих специалистов. Политический обозреватель В. Цветов, например, убежден, что популярность (рейтинг) программ нельзя превращать в догму. И тем не менее, обратная связь, используется ли она для перераспределения средств или нет, жизненно необходима: без значительно лучше развитой и систематически действующей системы обратной связи невозможно оценить действенность радикальной политики, решительно поменявшей информационную обстановку, которую создают наиболее распространенные и, вероятно, наиболее влиятельные средства информации

Телевидение: массовая аудитория и «крупнокалиберный» эффект

Бесспорно, что телевидение играет главную роль в широком процессе воспитания, именуемом социализацией. Исследователи в Соединенных Штатах считают, что телевидение в этом смысле «соперничает с другими участниками социализации — родителями, школой, компанией, братьями и сестрами, сверстниками и церковью» [4]. То, что телевидение особенно эффективно в интеграции всех этих информационно бедных воздействиях, прежде находившихся вне рамок политической системы, было обнаружено исследованиями, проводившимися в разных странах [5]. В Советском Союзе телевидение охватывает одиннадцать временных поясов и аудиторию от 150 до 200 миллионов зрителей, и как везде, эта аудитория, по сравнению с аудиторией других средств массовой информации, наиболее пестрая, включающая город и деревню, людей малообразованных и интеллигенцию, мужчин и женщин, все национальности. В Советском Союзе три четверти домов имеют телевизоры [6]. И если исследования прошлых лет находили, что люди с высшим образованием сильно отличаются от остального населения по времени просмотра телевидения (как оно было раньше и с американским телевидением) [7], то более поздние считают это справедливым только в отношении очень больших городов, где существует множество альтернатив проведению свободного времени. В самом деле, в средних городах 98% людей с высшим образованием смотрят телевидение ежедневно или несколько раз в неделю, опережая менее образованных [8].

В Советском Союзе взаимодействие различных элементов в системе массовых коммуникаций обнаруживает стойкий эффект: более новые основательно вытесняют старые. При этом наименее всего поддается влиянию чтение газет. Слушание радио свелось к «незначительным отрезкам свободного времени» и является сейчас второстепенным занятием [9]. Кинотеатры переживают упадок, жалуясь на уменьшение посетителей. Телевидение же занимает особую роль в системе средств массовой информации, считаясь в отличие от всех остальных средств «крупного калибра».

Последние американские исследования Доказывают что телепередачи являются «воспитателем, практически не имеющим себе равных» [10]. И опять-таки, в отличие от работ прошлых лет, где говорилось о «минимальном эффекте», новейшие исследования документально подтверждают влияние телевидения. Однако «разумные граждане воспринимают информацию и доводы только от того, кому доверяют» [11], и главной проблемой происходящей в советской масс медиа революции становится стремление добиться доверия и авторитета. Один из способов - продемонстрировать отсутствие тяжелого давления цензуры. Именно ради этого, в то время, когда все западные телевизионные системы переходят от «живых» программ к заснятым на пленку (главным образом из-за удобства и экономии), советское телевидение движется в противоположном направлении. «Живые» программы (в том числе с участием зрителей), почти полностью отсутствовавшие в брежневские годы («Живые репортажи и передачи фактически исчезли... Наступила эра полной зависимости») [12], возвращаются на экраны.

Другой способ добиться доверия - освещать все важные новости и освещать без проволочек. Догорбачевская практика ничего не сообщать о природных и производственных катастрофах, вообще плохих внутренних новостях, привела к тому, что собственные средства массовой информации доверием не пользовались [13]. Новая политика по отношению к событиям такого рода фактически началась с освещения землетрясения в Таджикистане в октябре 1985 г. за полгода до чернобыльской атомной аварии, но такая практика была еще экспериментом (в руководство, наверняка, разошлось во мнениях), не выдержавшем испытания Чернобылем. После Чернобыля, когда проволочки и задержки с информацией усугубили кризис, обо всех природных и производственных катастрофах сообщается с ичер-нывающей полнотой. Советское телевидение подробно освещало землетрясение 1988 г. в Армении, давало целый ряд других, прежде запретных сюжетов, связан-

ных с нехваткой продовольствия, проблемами здравоохранения, наркоманией и т. л. Показателем возросшего доверия к советскому телевидению является, в частности, все большее количество сюжетов, сделанных советскими авторами, в американских теленовостях.

Доверие возрастает и за счет улучшения технической оснащённости, и советское телевидение быстро совершенствуется. В 1986 г. появляется компьютерная графика; знакомство на расстоянии, другие «живые» передачи с помощью спутниковой связи («космические мосты») становятся повседневной практикой. Программа новостей комплектуется с помощью новой, в основном, зарубежной техники, при редактировании и озвучивании также используется современное оборудование. И сама подача новостей приобретает более персонифицированный характер: сокращается роль бесстрастного диктора, чья главная задача, казалось, заключается в поддержании и распространении норм правильного русского языка,

Политические дилеммы и практика: освещение национального вопроса

Нельзя путать передачу информации с ее восприятием. Не существует научных критериев, позволяющих утверждать, что сообщение воспринято так, как передано; зато существует довольно много исследований, которые располагают данными, доказывающими обратное. [14]. Но даже и в этом случае вряд ли можно сказать, что до зрителя не доходит ничего. Скорее всего просто трудно определить «внешние критерии для измерения того, что служит основой не просто внутренних, но взаимосвязанных процессов. В случае, когда зритель получает информацию, совершается процесс определенного ее осмысления. Проявить, что зритель понимает телевизионную передачу иначе, чем считает правильным автор или исследователь, не значит доказать, что понимания нет, а лишь показать, что восприятие - активный процесс, так же сильно зависящий от воспринимающего, как и от передающего» [4. Р. 271]. То, что телевидение может играть существенную роль в социализации и объединении этнически неоднородного общества, видно как на опыте Соединенных Штатов, так и Советского Союза. Комментируя опыт Америки, один известный ученый писал: «полученные данные доказывают, что влияние телевидения несопоставимо превосходит личный опыт; они также доказывают, что телевидение, благодаря ограниченному рамками стереотипов изображению, может обеспечивать гомогенизирующее воздействие» [15].

Для этнических меньшинств Советского Союза влияние новой политики в области телевидения, похоже, имело неоднозначное влияние: с одной стороны, и особенно если иметь в виду эффект кратковременный, местное телевидение, успешно справляясь с проблемами, занимающими его аудиторию (включая языковые, политические и культурные), формирует свою аудиторию, чьи установки заметно отличаются от центральных. С другой стороны, всепроникающее центральное телевидение с его широким спектром проблем, большими ресурсами (бюджетом, оборудованием, значительным числом корреспондентов в многочисленных бюро — внутренних и внешних) и вообще более значимыми темами выполняет объединительную функцию, способствуя, если брать продолжительные отрезки времени, стиранию этнических особенностей и традиций [6].

Внимание к национальным проблемам, которое последнее время демонстрирует центральное телевидение, приводит к увеличению времени, отводимого республиканским программам и передачам местных телестудий далеко за пределами РСФСР. Тем не менее попытки более энергично знакомить огромную советскую телеаудиторию с жизнью и культурой многочисленных этнических групп страны нельзя назвать особенно успешными, хотя, возможно, это неизбежные трудности начала пути. Центральное советское телевидение все еще подавляюще русское. Как заметил один из советских обозревателей: «Не слишком ли московское по своему содержанию всесоюзное телевидение? Ведь большинство зрителей живет не в столице» [Там же].

Действительно, но предварительным данным исследования, проведенного Картеровским Центром, обнаружено, что во всесоюзной программе «Время» (изучалась в течение трех лет с 1987 по 1989 г.) 84% всех героев, появлявшихся на экране, составили славяне (всего был за этот период рассмотрен 1471 сюжет). В то же время, по данным 1989 г. на долю славян приходится лишь 69,7% советского населения. И наоборот, представители азиатского региона, включая казахов, составили всего 3,6% героев показанных сюжетов. Преобладание славян окажется еще большим, если принимать во внимание реальное время, отводимое на интервью: им было отдано 91% всего разговорного времени, а представителям Средней Азии - только 3%. Наше исследование рассмотрит и другие аспекты, связанные с национальным представительством: различные профессии, пол, возраст, отношение к теме сюжета, городские и сельские новости, республиканские или областные, характер изображения и др.

Этнические типы, представленные на экране престижными политическими обозревателями, ведущими и дикторами, не отличаются большим разнообразием. Конечно, вряд ли вообще существует телевизионная система, точно отражающая национальные пропорции общества. В Соединенных Штатах, например, где участие национальных меньшинств в политике, а также справедливое расовое и этническое представительство в общественно-политических программах и новостях активно обсуждается, это является серьезной проблемой.

Что касается программ советского телевидения, то чем острее становится национальная ситуация в стране, тем больше проблем возникает у центрального вещания, чем заметнее успехи телевидения в правдивом изображении жизни, тем важнее получить доступ к экрану для тех групп, которые хотят рассказать свою версию и быть услышанными. События 1989 и 1990 гг. в Прибалтике, хотя и освещались центральным телевидением, но освещались без анализа, осмысления и глубины которых теперь от него ожидают многие зрители. Это полностью относится и к этническим столкновениям на Кавказе и в других местах. Совместное советско-американское исследование¹, проведенное в ноябре - декабре 1989 г. в городских и сельских местностях семи союзных республик, обнаружило, что когда местное или национальное телевидение конкурирует с центральным, представители неславянских национальностей гораздо чаще предпочитают свои программы московским. Прибалты, среднеазиаты и грузины вообще гораздо чаще выбирают свои программы, уделяя меньше внимания сообщениям из Москвы, нежели их славянские сограждане.

Многосторонний анализ, проверяющий влияние возраста, дохода, образования, проживания в городе или селе, членства в организациях, показывает, что национальность - очень сильный фактор, независимо от других сказывающийся на отношении к местному или республиканскому телевидению.

Заключение

Можно предположить, что в перспективе национальные телесети, обладая интегрирующими возможностями, будут мощными факторами в постепенном размывании региональных различий. Телевидение - инструмент социализации, а не просто средство развлечения и информирования. В других обществах, и частично в Советском Союзе, оно оказывает гомогенизирующее влияние и имеет тенденцию «усиливать и распространять восприятие норм и ценностей, на которых строится социальная иерархия» [15, Р. 309].

В рамках же короткого периода этнические различия глубоки, а в условиях экономических недостатков и конкуренции они часто и конфликтны. Эти различия

¹ Руководители программы исследования, кроме автора статьи: профессор Ада Финифтер из Мичиганского университета и Джордж Гербнер из Пенсильванского, а также профессор Борис Грушин (при участии Николая Попова) из Центра изучения общественного мнения. Предварительные результаты исследования обсуждались в марте 1990 г. на советско-американской конференции в Картеровском Центре Университета Эмори, Атланта, штат Джорджия.

можно было бы сгладить, если бы национальное телевидение действовало - как это и предполагалось в соответствии с его ролью и миссией в перестройке — в качестве мощной силы, соединяющей разрозненную страну своими средствами. Но это можно сделать, только затрагивая проблемы, жизненно важные для всей большой и разнообразной аудитории.

На этот вызов, который новое время бросает средствам массовой информации, телевидению еще предстоит дать ответ.

На повестке дня пригорбачевской масс медиа - мобилизация общества ради коренных его изменений. Это стратегия большого риска, которая ставит выигрыш в прямую зависимость от скорости изменений. Институализация - чаще всего длительный процесс, если иметь в виду стабильные и долговременные перемены. Мобилизация, чтобы быть эффективной, должна опираться на соответствующие институты. Взаимодействие этих движений будет, несомненно, главной особенностью будущей жизни страны.

Перевод Н. ВОРОБЬЕВОЙ

ЛИТЕРАТУРА

1. Цит. по Московские новости. 1988. № 39.
2. Правда. 1988. 25 сентября.
3. *Mickiewicz E.* Feedback, Surveys, and Soviet Communication Theory//Journal of Communication. 1983. N 33. P. 97-110.
4. *Comstock G., Chaffee S., Katzman N., McCombs M., and Roberts p.* Television and Human Behavior, New York: Columbia University Press, 1978. P. 285.
5. *Graber D. A.* Processing the News: How People Tame the Information Tide. New York: Longman, 1984; *Губогло М. Н.* Совершенствование национальных отношений в СССР в свете XXVII съезда КПСС. М., 1988.
6. *Арутюнян Ю. В., Бромлей Ю. В.* Социально-культурный облик советских наций. М., 1986.
7. *Bower R. T.* Television and the Public. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973.
8. *Капелюш Я., Сазонов В., Федотова Л.* Телевидение в небольшом городе. М., 1985.
9. *Габияни А. А., Мушкудуани Н. А., Мильникова О. В.* Нормативно-ценностная пропаганда и пути повышения ее эффективности. Тбилиси, 1986. С. 33.
10. *Iyengar Sh, and Kinder D. R.* News That Matters: Television and American Opinion. Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. 2.
11. *Page B. I., Shapiro R. Y., and Dempsey G. R.* What Moves Public Opinion? // American Political Science Review. Vol. 81, 1987. P. 39.
12. *Польская Л.* Лит. газета. 1986. 23 апреля.
13. *Mickiewicz E.* Media and the Russian Public. New York: Praeger, 1981.
14. *Mickiewicz E.* Split Signals. Television and Politics in the Soviet Union. New York: Oxford University Press, 1988.
15. *Comstock G. and Cobbe R. E.* Television and the Children of Ethnic Minorities// Journal of Communication. 1979. N XXIX. P. 111.